

УЧЕННЫЕ КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ВО ВРЕМЯ СМЕНЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ

В годы Гражданской войны многонациональное Поволжье дважды было местом активного военного противостояния. Летом—осенью 1918 г. значительная часть региона (Казанская, Симбирская, Самарская, часть Саратовской губерний) оказалась под властью сторонников Учредительного собрания (самарский Комуч). Советская власть потерпела в этом районе военное поражение. Затем была разгромлена Народная армия Комуча, и вновь восстановлена власть большевиков. Весной и летом 1919 г. часть Поволжья была занята войсками А. В. Колчака и после ожесточенных боев опять перешла к Советам. Одновременно Поволжье выступало местом экспериментов для проведения экономической, аграрно-продовольственной, национальной и просвещенческой политики советских властей либо приходящих ей на смену политики Комуча, или правительства А. В. Колчака. Все это не могло не сказаться на отношении к властям учителей и ученых края.

В те годы в Поволжье было два университета: Казанский (год основания 1804) и Саратовский (1909). Представители самарского Комуча в августе 1918 г. открыли Самарский университет. Но позже, в январе 1919 г., по предписанию В. И. Ленина Педагогический институт был преобразован в Самарский университет, временем его открытия предлагалось считать 7 ноября 1918 г., день первой годовщины прихода большевиков к власти в стране.¹

Большинство ученых Казанского, Саратовского и Самарского университетов было едино в положительной оценке деятельности Временного правительства и поддержке идеи парламентского устройства страны при помощи выборов в Учредительное собрание. Они отстаивали университетскую автономию и не скрывали своего критического отношения к большевистским властям и их экспериментам с переустройством высшей школы.

9 декабря 1917 г. ученый совет Казанского университета присоединился к своим коллегам из Харькова, заклеившим «группу фанатиков и темных

¹ Ленин и Самара. Куйбышев, 1966. С. 127. Первым советским ректором Самарского университета был избран магистр философии профессор В. И. Ивановский. В 1927 г. университет был закрыт и вскоре вновь преобразован в педагогический институт.

дельцов», захватившую власть накануне Учредительного собрания «с помощью обманутой ею вооруженной толпы». Ученые выступали за продолжение участия в войне, так как опасались, что заключение сепаратного мира с Германией «исторгнет Россию не только из ряда великих держав, но и из семьи народов, создающих общим трудом науки, искусства и промышленность, т. е. творящих те духовные и материальные ценности, которые составляют жизнь народов и без которых этой жизни нет». Ученые не верили в долговечность новой власти. Студенты-математики предлагали даже отменить государственные экзамены, поскольку отсутствовала единая централизованная государственная власть. Профессор-филолог Е. Ф. Будде (1859—1929) предложил в январе 1918 г. возвратиться к системе экзаменов по уставу 1863 года, мотивировав это тем, что «Россия не представляет собой теперь государства: она состоит из отдельных областей, даже не соединенных между собой наподобие штатов... Seriously говорить о каких-либо русских государственных учреждениях в наше время даже не приходится. Следовательно, и государственных экзаменов, как таковых, быть пока не может».² Вплоть до осени 1918 г. в университете часто менялись ректоры, в основном должность и. о. ректора тогда исполнял профессор-физик Д. А. Гольдгаммер (1860—1922).

6 августа 1918 г. советская власть в Казани пала. В городе воцарились представители самарского Комуча, начавшие реставрацию политики Временного правительства (1917). Большинство казанской профессуры приветствовали власть сторонников Учредительного собрания. 16 августа 1918 г. ученый совет университета при одном воздержавшемся (профессор-механик Е. А. Болотов) принял резолюцию поддержки самарского Комуча. В ней говорилось и о сборе средств на нужды Народной армии. Тогда же совет избрал профессора-историка М. М. Хвостова (1872—1920) своим представителем в комиссию по образованию, создаваемую уполномоченным новых властей в Казани. Комиссия успела принять лишь решение о восстановлении преподавания богословия в учебных заведениях города, как власть вновь переменилась: 10 сентября в Казань вошли отряды Красной армии. В те дни город покинули многие жители (около 30 тыс. человек) и ученые университета, в том числе почти половина членов ученого совета. М. М. Хвостов, уехавший в начале сентября 1918 г. на совещание в Самару, не смог вернуться в Казань. Став, вместе с Е. Ф. Будде, профессором Томского университета, скончался там от сыпного тифа.³

Первым актом пришедших в Казань вместе с армией чекистов был арест тех, кто сотрудничал с Комучем. 11 сентября председатель ЧК Восточного фронта М. И. Лацис, возглавивший одновременно и Казанскую ЧК, вызвал на допрос членов совета университета, приветствовавших Комуч и финансировавших мобилизацию казанцев в Народную армию. Он вспоминал: профессорам было предложено сдать сумму на нужды Красной армии, в 10 раз большую той, которую каждый из них пожертвовал на Народную армию Комуча. Лишь и. о. ректора Д. А. Гольдгаммер, как председатель ученого совета,

² Корбут М. К. Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова (Ленина) за 125 лет. 1804—1930. Казань: Изд-во Казанского ун-та. 1930. Т. 2. С. 300—301.

³ Шофман А. С. Михаил Михайлович Хвостов. Казань: Изд-во Казанского ун-та. 1979. С. 16. Сын М. М. Хвостова — В. М. Хвостов (1905—1972) — советский историк, академик.

приветствовавшего комучевцев, был арестован и пробыл в тюрьме до 13 октября, т. е. чуть более месяца. Из 81 профессора и приват-доцента университета ко дню восстановления советской власти в Казани осталось 42, остальные ее покинули. По предложению Лациса несколько профессоров (историк Н. Н. Фирсов, химик А. Я. Богородский) выступили в местной печати с показными статьями и признанием власти большевиков. На вопрос Лациса о признании Советов профессор-химик А. Е. Арбузов (1877—1968) ответил: «Так как советская власть опирается на реальную силу, то признаю ее как реально существующий факт».⁴

Таким образом, профессура Казанского университета отрицательно отнеслась к власти большевиков. Ее значительная часть придерживалась идеи парламентского, демократического развития России. Это проявлялось в нежелании исполнять советские распоряжения до осени 1918 г., в приветствии Комуча с его лозунгом передачи власти Учредительному собранию, в исходе на Восток из опасения оставаться «под Советами» и, наконец, в признании советской власти лишь как реальной силы в данный момент. Но и тогда это не означало безусловного подчинения этой силе.

В связи с военным положением осенью 1918 г. прием студентов в университет продолжался до 1 ноября. На первые курсы факультетов приняли 3744 студента. Это было связано с начавшимся тогда советским реформированием высшей школы. 19 октября 1918 г. ректором университета был избран Е. А. Болотов (1870—1922). Он пробыл на этом посту до января 1921 г., и на его долю выпало проведение этой реформы.⁵ Судя по протоколам заседаний совета, фиксировавшим обсуждение этих реформ, отношение к ним было скорее отрицательным. Так, большой прием на первый курс объяснялся выполнением августовского советского декрета (1918), по которому в университет принимался без платы за обучение каждый, достигший 16 лет «без представления диплома, аттестата или свидетельства об окончании средней или какой-либо школы». Члены совета, естественно, сомневались в качестве знаний таких студентов, и их сомнения подтвердили результаты первых проверок. В октябре 1918 г. были опубликованы советские декреты, которыми отменялись ученые степени и звания, а всем читающим лекции не менее трех лет присваивалось звание преподавателя, а те, кто проработал на «учено-учебной службе» более 15 лет, могли занимать свою должность лишь на основе результатов всероссийского конкурса, которые базировались на характеристиках и рекомендациях известных ученых. В этом случае можно говорить об их корпоративности, желании помочь друг другу. В архивном фонде университета сохранились характеристики, данные генетиком Н. И. Вавиловым казанскому профессору А. Я. Гордягину, биологом И. И. Шмальгаузенем — профессору Н. А. Ливанову, Н. Е. Жуковским — профессору Е. А. Болотову, математиком В. А. Стекловым — профессорам Д. Н. Зайлигеру и Н. Н. Парфентьеву. Эти рекомендации помогли профессорам университета сохранить свои должности в результате выборов.

⁴ *Лацис М.* Интеллигенция и Советская власть: казанская профессура во время власти «учредловки» // Известия ВЦИК. 1919. 1 марта. №47.

⁵ *Цыганова Н. Я.* Евгений Александрович Болотов. М., 1969. С. 22, 37.

Появились и новые преподаватели, в том числе на кафедре русской истории М. В. Нечкина (1908—1985), будущий советский академик, опубликовавшая в Казани свою первую монографию «Русская история в освещении экономического материализма: Историографический очерк» (Казань, 1922),⁶ С. А. Пионтовский (1891—1937), Г. С. Губайдуллин (1887—1938) и др.

Казанская профессура отнеслась лояльно к открытию рабочего факультета (1919) и пролетаризации состава студентов (от 8,5% рабоче-крестьянской молодежи в январе 1918 г. до 33% — в 1920 г.),⁷ но отрицательно к закрытию юридического (1919) и историко-филологического (1921) факультетов, справедливо полагая создание вместо них факультета общественных наук излишней политизацией гуманитарного и правового образования. Большинство профессуры по отношению к властям тогда придерживалось принципа: «Ни за вас, ни против вас», т. е. стремилось сохранить, хотя бы внешне, нейтралитет и лояльность. Постановление совета университета в октябре 1918 г. о том, что его члены не возражают против призыва казанского Народного комиссариата просвещения участвовать в культурно-просветительской работе, но из-за отсутствия необходимых кадров этого сделать не могут, лишь подтверждало эту позицию. Отрицательно отнесся совет и к попыткам студентов-большевиков сделать своего представителя полноправным членом совета (1919) или объявить приоритетными не фундаментальные, а прикладные науки, способствующие решению насущных народно-хозяйственных задач. Совет университета выступил в начале 1920 г. и против проекта Казанского губернского отдела народного образования объединить все вузы города в один общий университет со смешанным советом из преподавателей, студентов и представителей «трудящегося класса».

Особое возмущение преподавателей университета вызывало резкое ухудшение их материального положения, которое усугубилось голодными, засушливыми годами в Поволжье в 1920—1921 гг. И в этом случае они были едины, независимо от своей партийной принадлежности, так как регулярно задерживалась выдача зарплаты, которая составляла 20—25% дореволюционной и часто была в 3—4 раза ниже зарплаты дворника. Согласно протоколам заседания совета университет почти не отапливали, число преподавателей и студентов сокращалось (многие уезжали в другие города). Все это способствовало росту у оставшихся антисоветских настроений.

В. В. Адоратский (1878—1945), выпускник юридического факультета Казанского университета (1903), большевик с 1904 г., получил в июне 1919 г. от

⁶ В 1911 г. отец М. В. Нечкиной — В. И. Нечкин стал директором Казанского промышленного училища, а позже — профессором Казанского политехнического института. М. В. Нечкина закончила в 1917 г. с Золотой медалью казанскую Ксенинскую гимназию и поступила на историко-филологический факультет Казанского университета (1917—1921). Наибольшее влияние, по ее признанию, на нее тогда оказали молодые преподаватели-историки П. Г. Архангельский и С. П. Сингаевич. Подробнее см.: *Гребенкина А. Н.* Научно-педагогическая деятельность М. В. Нечкиной в начале 20-х годов: казанский период. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1992.

⁷ Несколько профессоров университета выступили против организации рабфака: «Рабочие, разрушив заводы, поместья и разные священные уголья богачей, ворвались в высшую школу, чтобы превратить ее тоже в груды развалин», — писали они в 1922 г., предлагая «выбросить рабфак из стен университета» (Пять лет рабочего факультета. Казань, 1924. С. 17).

В. И. Ленина задание собрать в Казани материалы и подготовить очерк по истории Октябрьской революции. На очередной запрос В. И. Ленина, как продвигается работа, Адоратский ответил 6 января 1920 г. отчаянным письмом: «Дорогой Владимир Ильич! Очень уж много приходится преодолевать всякой дряни. Оттого, хоть это и неприятно, приходится не исполнять обещанное. В Казани мне пришлось долго блуждать, прежде чем удалось занять платное место, необходимое для пропитания. Командировки мне никакой не дали, выпрашивать я не умею. Уехал из Москвы "так". В Казани пришлось мне читать лекции, но, так как я давно не выступал, надо было усиленно готовиться. Так в разных делах и делишках прошло время до ноября. А тут захворал. Долго лежал в испанке, и после нее от скверного питания нарывы по телу пошли. Когда приходится не только лекции читать и к ним готовиться, но и бегать за водой через улицу, и дрова колоть, и за 8 верст сбегать за пудом желудей и притащить его на спине, словом, деятельность разносторонняя. Скверно, когда темно. Электричества в квартире нет, освещаемся керосином, а его удалось достать всего фунтов 20 на всю зиму.

С обещанной работой дело обстоит так: я просмотрел газеты с апреля до 11 августа и с октября до конца 1918 г. Это все, что здесь имеется за 1918 г. Материал, имеющийся в просмотренных мной газетах, я извлек, и он у меня под рукой. Когда будет немного посветлее и потеплее, я приведу в порядок и пришлю. Жить скверно. Людей абсолютно нет. Кругом спекулянты, мелкие буржуи, кадеты — тертые калачи, умеющие перекраситься, влезть, а затем вставлять палки в колеса. Казань — скверная дыра, а в Москве невозможно жить: никаких сил не хватит выработать на содержание семьи. Здесь все же дешевле, и есть кой-какой хлам, который распродается. Я устал и ослаб здоровьем. Такова жизнь. Привет Надежде Константиновне. Искренне преданный Вам В. Адоратский».⁸

В. И. Ленин помог В. В. Адоратскому красноармейским пайком. На письме голодающих студентов факультета общественных наук Казанского университета (конец 1921 г.) Ленин написал резолюцию, предлагая дать им просимые 100 пайков хлеба.⁹ Ленин помнил тех, с кем его связывала учеба или совместное участие в студенческой сходке 1887 г., когда он покинул Казанский университет, не проучившись и семестра. В 1919 г. В. И. Ленин передал через знакомых записку Е. Н. Чирикову (1864—1932), бывшему студенту юридического факультета, одному из организаторов той давней сходки, ставшему известным писателем, враждебным большевикам: «Евгений Николаевич, уезжайте. Уважаю Ваш талант, но Вы мне мешаете. Я вынужден Вас арестовать, если Вы не уде-

⁸ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 878. Л. 3. Впервые полностью опубликовано: *Литвин А. Л.* Казань: время Гражданской войны. Казань, 1991. С. 149—150. В 1919—1920 гг. В. В. Адоратский читал слушателям рабфака Казанского университета курс по истории социализма, в 1931—1939 гг. — академик, первый директор Института марксизма-ленинизма. Жалобу В. В. Адоратского Ленину на тяжелую жизнь поддержал П. А. Сорокин, сообщавший в 1922 г., что «самыми ужасными» для профессуры были 1918—1920 гг., когда, «получая ничтожное вознаграждение, и то с опозданием в три-четыре месяца, не имея никакого пайка, профессура буквально вымирала от голода и холода. Смертность ее повысилась в 6 раз по сравнению с довоенным временем» (*Сорокин П. А.* Современное состояние России // *Новый мир.* 1992. № 5. С. 176).

⁹ В. И. Ленин и Татария. Казань, 1970. С. 139—140.

те». Чириков с семьей вскоре эмигрировал.¹⁰ Разумеется, не ко всем представителям Казанского университета В. И. Ленин относился столь цинично, а иногда и деликатно.

Университетская профессура в то время продолжала требовать сохранения автономии вуза и его материальной поддержки. Ее представители на лекциях позволяли себе не соглашаться с признанием правильности и необходимости для общества марксистского учения. Так, в июне 1921 г. один из профессорско-философов факультета общественных наук говорил студентам: «Гегель был величайший шарлатан, его диалектический метод не научный, ничего общего с наукой не имеющий. Поэтому, читая „Капитал“ Маркса, я думал: или я сумасшедший, или Маркс дурак».¹¹

В феврале 1921 г. своим ректором университет избрал профессора-статистика А. А. Овчинникова (1874—?). Его избрание местные власти не приветствовали, считали, что он человек «определенно антисоветского направления... совмещавший... преподавание статистики с исполнением обязанностей псаломщика в клинической церкви».¹² Ректор и большинство профессоров, членов ученого совета университета, отрицательно восприняли декрет Совнаркома РСФСР от 19 сентября 1921 г., регламентирующий работу вузов и констатирующий их подчинение советским властям. Ученый совет университета выступал за сохранение университетской автономии и отказывался вводить в свой состав представителей студенчества и партийной общественности. Конец противостояния сторонников расширения прав университетов и советских властей ускорили так называемые профессорские забастовки, начавшиеся в стране с января 1922 г.

24 января 1922 г. А. А. Овчинников говорил на заседании совета университета о тяжелом материальном положении преподавателей (задолженность в зарплате доходила до трех миллиардов, а было получено всего 115 миллионов и больше не предвиделось): многие голодали и болели тифом. Совет создал комиссию из пяти профессоров. Ей поручалось выработать конкретные меры «к поддержанию дальнейшего существования университета» и к организации начала учебных занятий со студентами. Через неделю властям были направлены рекомендации для улучшения экономического положения преподавателей: закрыть советские вузы, начавшие работу после 1918 г., чтобы освободившиеся средства направить на содержание традиционных научных школ; разрешить профессорам выезжать за границу, обратиться за поддержкой в американскую администрацию помощи голодающим (АРА) и т. д. В феврале, после каникул, начались учебные занятия.

¹⁰ Евгений Николаевич Чириков (1864—1932). На путях жизни и творчества. М.; СПб.. 1993. С. 287—289.

¹¹ Корбут М. К. Казанский государственный университет... Т. 2. С. 330.

¹² Там же. С. 313. Наркомат просвещения Татарии 18 февраля 1921 г. сообщил совету университета о своем несогласии с назначением А. А. Овчинникова ректором и о том, что уведомил об этом Наркомпрос РСФСР. Совет университета принял это заявление к сведению. Тогда местные власти назначили ректором профессора Н. Н. Парфентьева, но он через месяц, 10 марта 1922 г., сложил с себя эти полномочия. Во всяком случае, протоколы заседаний совета свидетельствуют, что ректор А. А. Овчинников 4 августа 1922 г. уходит в отпуск с разрешения Главпрофобра (Султанбеков Б. Ф., Малышева С. Ю. Трагические судьбы. Казань, 1996. С. 53—54).

Наиболее активно выполнял эти рекомендации медицинский факультет, когда 17 февраля 1922 г. по предложению декана, профессора-психиатра Г. Я. Трошина (1874—1938), были отозваны профессора факультета из Казанского клинического института имени Ленина (ныне — ГИДУВ). Противостояние властям сторонников университетской автономии, их борьба за улучшение положения преподавателей и студентов завершились весной 1922 года, когда власти прибегли к помощи ВЧК.

Основанием для арестов университетской профессуры стали газетные публикации и различные доносы, в которых естественное требование об улучшении материального положения расценивалось как «антисоветская пропаганда» или влияние эмигрантских, тогда читалось «белогвардейских», призывов. В феврале 1922 г. П. Н. Милюков (1859—1943) опубликовал в своей парижской газете «Последние новости» статью «Разгром высшей школы», в которой рекомендовал профессуре активнее отстаивать свои права. 7 марта 1922 г. в большевистской «Правде» появилась статья М. К. Корбута (1899—1937), в то время заведующего рабфаком университета, «Директива Милюкова и казанская профессура», в которой утверждалось, разумеется, без каких-либо доказательств, что казанская профессура может бороться за свои, прежде всего экономические, права только по «указанию Милюкова». Он сетовал на то, что профессура не замечает усилий «местных органов власти... локализовать процесс морального и материального падения высшей школы в Татарской Республике». Последствия этой публикации не заставили себя ждать.

Первым в марте 1922 г. был арестован декан медицинского факультета профессор Г. Я. Трошин. Это был крупный врач-психиатр, выпускник медицинского факультета Казанского университета, защитивший докторскую диссертацию под руководством академика В. М. Бехтерева в его петербургской клинике. Его работы в области детской психиатрии были широко известны среди врачей.¹³ На допросе он отрицал все обвинения следователя в ведении антикоммунистической пропаганды, а на вопрос о том, каковы его политические убеждения, ответил — прогрессивные. После более месяца заключения он был освобожден «из-за недостатка улик». 20 июля 1922 г. в «Правде» появился очерк корреспондента С. Карнеева «Портреты казанской профессуры», где профессор Г. Я. Трошин объявлялся «идейным вождем значительной части казанской профессуры», которая сочувствовала ему в его страданиях «за свой чересчур развязный язык». Корреспондент приписывал ему высказывание о вине советских властей в гибели людей от голода, приведшему к людоедству и массовому нарушению психики. 16 августа 1922 г. Г. Я. Трошин был вновь арестован. Его отправление в Москву на Лубянку было задержано просьбой 19 профессоров университета (М. Н. Чебоксарова, В. К. Меньшикова, А. Е. Арбузова и др.) не делать этого в связи с ухудшившимся состоянием здоровья арестованного. Его оставили в казанском следственном изоляторе с повторным предъявлением обвинения в антисоветской пропаганде и призывах против реформы высшей школы. 30 сентября 1922 г. Коллегия ГПУ приняла решение о

¹³ Подробнее о Г. Я. Трошине см.: Русское зарубежье: Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: Энциклопедический биографический словарь. М., 1997. С. 629—631.

выезде Г. Я. Трошина за границу за свой счет. Однако распоряжением В. Р. Менжинского (1874—1934) 13 ноября 1922 г. это решение было отменено, и дело против Трошина прекращено. Это вызвало недовольство тогдашнего руководителя казанских чекистов И. И. Шварца, потребовавшего высылки профессора за пределы страны. 4 декабря 1922 г. ему было предложено покинуть советскую Россию.¹⁴

18 сентября 1922 г. управляющий делами ОГПУ Г. Г. Ягода (1891—1938) писал В. И. Ленину, что согласно его распоряжению посылает список высылаемых за границу ученых, писателей, врачей и кооператоров. Всего 69 человек. Первыми в нем значились трое профессоров Казанского университета: А. А. Овчинников, И. А. Стратонов, Г. Я. Трошин.¹⁵

В ночь на 2 августа 1922 г. был арестован профессор И. А. Стратонов (1881—1942), историк феодальной России, в 1919 г. — декан историко-филологического факультета, с августа 1920 г. — заместитель декана, затем профессор факультета общественных наук и заведующий губернским архивом. На следующий день после его ареста перед местным ГПУ о его освобождении ходатайствовал ректор А. А. Овчинников, мотивируя тем, что И. А. Стратонов командирован в Москву для приобретения иностранной литературы. Начальник ТатОГПУ И. И. Шварц предложил в ответ «командировать кого-либо другого ввиду того, что обвинение предъявлено довольно серьезное и рассчитывать на скорое освобождение не приходится». И. А. Стратонова обвинили в контрреволюционной пропаганде, связях с патриархом Тихоном, сочувствии кадетам и т. д., но он отверг все эти обвинения как не имеющие оснований. И тогда же, по предложению И. И. Шварца, профессор был назван кандидатом на высылку за пределы страны.¹⁶ Ученый совет университета после ареста Г. Я. Трошина и вызовов для допроса ректора А. А. Овчинникова неоднократно ходатайствовал об освобождении И. А. Стратонова и Г. Я. Трошина, взятия их на поруки, мотивируя свои просьбы важностью научных исследований арестованных, невозможностью заменить их как преподавателей. Эти ходатайства не были удовлетворены. Вслед за Г. Я. Трошиным и И. А. Стратоновым было предложено под угрозой ареста покинуть страну и бывшему ректору А. А. Овчинникову (с июля 1922 г. ректором был избран профессор-медик М. Н. Чебоксаров).

Длительное время А. А. Овчинникова, И. А. Стратонова и Г. Я. Трошина в истории университета называли «антисоветчиками» и «реакционерами».¹⁷ Они не были ни теми, ни другими. Они были демократически настроенными профессионалами, знающими себе цену и имеющими собственное мнение и чувство достоинства. Они были патриотами, любящими страну, а не изгнавший их режим.

В годы Второй мировой войны они отрицательно отнеслись к фашизму и поддерживали воюющую Россию. Профессор И. А. Стратонов, успевший

¹⁴ ЦАКГБРТ. Д. 321. Л. 3, 34, 47, 95, 139, 144. В эмиграции Г. Я. Трошин занимался преподавательской и научной деятельностью в медицинских институтах Берлина и Праги. Его последняя работа — «Пушкин и психология творчества» (Прага, 1937).

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1245. Л. 2—3.

¹⁶ ЦАКГБРТ. Д. 417. Л. 1, 33.

¹⁷ Казанский университет. 1804—1979: Очерки истории. Казань, 1979. С. 110.

опубликовать несколько книг по истории Русской Православной церкви, ко времени фашистской оккупации Франции был старостой патриарших приходов в Париже. Приходы оказывали помощь советским гражданам деньгами и одеждой, собирали для бежавших из плена и работавших на военных заводах более 200 тыс. франков.¹⁸ И. А. Стратонов был арестован гестаповцами в марте 1942 г., обвинен в антифашистской деятельности. Его допрашивали в тюрьме Сантэ, в Компьенском концлагере, затем этапировали в концлагерь под Берлином, где он и погиб. В 1947 г. парижская газета «Советский патриот» (№ 97) опубликовала некрологи о погибших русских. В списках значились наиболее активные участники французского движения Сопротивления. Среди них Борис Вильде, Ариадна Скрыбина, Иринарх Стратонов...

Придя к власти, большевики использовали различные методы «приручения» ученых, главным из которых стало насилие, рождение страха за неподчинение. История жизни ученых Казанского университета в годы Гражданской войны — это борьба профессуры за выживание, стремление сохранить демократические идеалы, это протест специалистов, профессионалов против навязываемого единомыслия, это научная аргументация против политических формул и теоретических догматов. Именно в те годы началась трансформация высшей школы, касающаяся прежде всего содержания преподавания, комплектования кадров профессуры и набора студенчества, лояльности к власти.

¹⁸ *Афанасьев А.* Польша в чужих полях. М., 1984. С. 144.